

Василий Ян

Нижита и Мижитка

ФТМ

Василий Ян
Никита и Микитка

«ФТМ»

Ян В.

Никита и Микитка / В. Ян — «ФТМ»,

ISBN 978-5-457-24610-2

«Через заиндевевшее окно, сложенное из кусочков слюды, пробивался тусклый утренний свет. В жарко натопленной спальне, на изразцовой лежанке, покрытой ковром, разметался во сне краснощёкий мальчик в белой косоворотке. Над ним склонился тощий, с козьей бородкой «дядька» Филатыч и осторожно похлопывал его по плечу...»

ISBN 978-5-457-24610-2

© Ян В.

© ФТМ

Содержание

В боярской усадьбе	5
В избе у Микитки	6
Поездка в Москву	8
Вот и Москва!	10
Микитка затерялся	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Василий Ян

Никита и Микитка

В боярской усадьбе

Через заиндевевшее окно, сложенное из кусочков слюды, пробивался тусклый утренний свет. В жарко натопленной спальне, на изразцовой лежанке, покрытой ковром, разметался во сне краснощёкий мальчик в белой косоворотке. Над ним склонился тощий, с козьей бородкой «дядька» Филатыч и осторожно похлопывал его по плечу:

– Князинька, Никита Петрович, пора подыматься! Лошадей уже запрягают. Дорога дальняя, а в Москву надо приехать засветло. К вечеру поставят поперёк улиц брёвна и решётки, тогда никого не пропустят.

– Не поеду! Пошёл прочь, старый дуралей!

– Зачем же ты сказал непристойное слово? Как можно не поехать! Это царский приказ! Дяденька Борис Фёдорович осерчает, коли ты не приедешь!

– А я сказал – не поеду! По-моему и будет!

Бесшумно, в шерстяных чулках, подплыла пухлая нянюшка в красном сарафане и заячьей телогрейке-безрукавке.

– Что же ты, князинька Никита Петрович, упрямишься? – нараспев начала она. – Полно брыкаться ножками! Ведь это твой старый верный дядька Филатыч. Он тебя повезёт в Москву. Дай-ка я тебе тёплые чулочки и валенцы надену, чтобы ты, сохрани господь, не простыл на морозе.

Нянюшка подняла и усадила сонного мальчика, а Филатыч стоял рядом и приговаривал:

– Запряжём мы в саночки-умчалочки коньков-бегунцов с бубенчиками... Усядемся поплотнее и запахнёмся полостью медвежьей, чтобы не выпасть на поворотах, и покатым с заливным колокольчиком по снежку, по первопутку, в сторонку не ближнюю, не дальнюю, в Москву златоверхую, что раскинулась на холме высоком, между рекой Яузой и Москвой-рекой...

– А я в Москву не поеду! – повторял мальчик. – Я с Микиткой сегодня в лес пойду, будем сеткой ловить снегирей... Микитка научит меня играть на пастушьей дудке-жалейке. Он и горку ледяную полил водой. Теперь мы с ним будем кататься с горки на салазках...

– Как же можно ослушаться, когда сам батюшка царь Иван Васильевич повелел боярским сынкам грамоте учиться! Теперь к тебе приставят дьячка с указкой, а рядом с тобой будут сидеть не какие-нибудь простые людишки, а тоже такие, как ты, сынки боярские.

– Пускай учатся дьячки! А я на коне поеду на войну и буду воеводой!

– Красавчик ты наш, черноглазенький! – поддакивала нянюшка, а сама в то же время продолжала одевать мальчика. – Вестимо! К чему воеводе грамота? Да что же поделать, когда сам великий государь приказал! Он невесть что повьдумывает.

Нянюшка умыла и причесала мальчика, затем, поставив его на колени рядом с собой, помолилась перед старой, тёмной иконой в серебряной ризе. Вместе с дядькой Филатычем она повела Никиту по лесенке наверх, в опочивальню княгини, чтобы показать его перед отправкой в Москву. А мальчик всё твердил:

– Если Микитка поедет со мной в Москву и захватит дудку и сетку для снегирей, то и я поеду. А без него я ни за какие пряники не поеду! С дороги сбегу.

В избе у Микитки

Боярская усадьба «Весёлые пеньки», в которой жил Никита, раскинулась на холме, среди старого леса, на берегу извилистой речушки. Усадьбу окружал высокий тын из заострённых брёвен-стояков. Дубовые ворота с затейливой крышей были всегда на запоре. Большие злые собаки на цепи охраняли усадьбу и от зверя – волка и медведя, – часто бродившего в лесу, и от недобрых людей с большой дороги.

Посреди холма красовались нарядные боярские хоромы с раскрашенным и покрытым резьбою крыльцом, с гребнем и весёлыми петушками поверх тесовой крыши. Усадьба была видна издалека, и новые бревенчатые хоромы поблёскивали на солнце слюдяными окошками с замысловатым свинцовым переплётом.

По сторонам боярского дома выстроились людские избы для жилья дворовых слуг, амбары, конюшни с сенником наверху, клетки, скотный двор со стойлами и сараями и для сена и для дров, а в стороне, отделённый забором поменьше, был особый двор, где находились гумно, овин для хранения хлеба и высокие скирды ещё не обмолоченных снопов.

На краю усадьбы, над самой речкой, чернела закоптёлая кузница; тут же, на плотине, перегородившей речку, образовав запруду, шумела неугомонным колесом старая мельница. Близ самого берега расположились бани – мыльни – в виде чёрных срубов, покрытых дёрном, для холопов.

Немного дальше вдоль речки протянулись крестьянские избы.

В одной из них жил крестьянский мальчик Микитка.

Рано утром, ещё до рассвета, в полутёмной избе горела, потрескивая и дымя, длинная тонкая лучина, воткнутая в поставец. Шипя, потухали, отваливаясь с лучины, угольки, падая в глиняную миску с водой. Всю долгую ночь мать Микитки, молчаливая, сгорбленная, со скорбным лицом, просидела около деревянного гребня с куделью и, поплёвывая на пальцы, сучила нитку. Жалобно шуршало и прыгало веретено, иногда мать запевала песню, тягучую, как завывание вьюги за окном:

– Что же ты, лучинушка,
Неясно горишь,
Что не вспыхиваешь?
Неужели ты, лучина,
Во печи не была?..
– Я была-была в печи
Во сегодняшней ночи...

Когда маленькое окно, затянутое промасленной холстиной, засветилось тусклым пятном, мать вздохнула и подобрала на лавку плясавшее на нитке веретено:

– Вот и утро пришло и день настаёт!

Она встала, отодвинула гребень и вышла из избы. Наохлившись под печкой две рыжие курицы встрепенулись. Петух, отряхнувшись, важно вышел на середину избы и, захлопав крыльями, пропел «кукареку». Хромой ягнёнок, лежавший вместе с курами, поднялся, прошёл, стуча копытцами, по избе и, не найдя хозяйки, беспокойно заблеял.

Мать вернулась с охапкою хвороста и, оставив раскрытой дверь, раздув угли, засыпанные с вечера золой, стала растапливать громоздкую печь, занимавшую половину избы.

Раздался сильный стук в окно. С улицы кто-то кричал:

– Эй, хозяйка! Эй, Василиса! Выдь-ка на улицу. Старая боярыня меня до тебя прислала.

– Что ещё за беда с нами стряслась? – прошептала крестьянка, оставляя кочергу.

Накинув зипун, она выбежала из избы.

– Это я, Филатыч, стремянный покойного князя Петра Фёдорыча. Али не узнала? Тебе счастье привалило. Наш княжич Никита едет в Москву грамоте учиться и пристал к боярыне, что хочет-де с собой взять твоего Микитку: «Не поеду, говорит, без него, сбегу с дороги».

– Да на что он ему дался? – стала голосить Василиса. – Какое же это счастье! Завезут моего Микитку в Москву да и отдадут в чужие руки! И никогда его я больше не увижу! Лучше бы он дома помер – хоть могилка от него осталась бы! Ныло бы где по нём поплакать и материнской тоской убиваться! Вот она, наша доля холопская: по воле боярина от дома родного отрывают! Что теперь с бедным Микиткой станет! Кто его пожалеет!

– Брось ты, хозяйка, голосить! Рано его хоронить. Это царский приказ...

– Царский приказ!.. Ой, горюшко наше! – воскликнула, всплеснув руками, Василиса и заголосила ещё пуше.

А Филатыч спокойно продолжал:

– Ну, скажем, царский приказ! Тебе-то чего пугаться? Говорится в приказе, чтобы смышлёные ребята при церквах грамоте учились. У царя ведь большое царство растёт. Ему теперь много надо и дьяков и подьячих. Земли прибавилось, а грамотеев-то нет. Кто будет подсчитывать дани да оброки? Наш княжич Никита тоже время ревет: не хочет ехать учиться в Москву, – а всё же сегодня поедет.

– Ну и пускай едет, а моего Микитку чего тащит?

– Твой Микитка – паренёк бойкий: он и силки поставит, и сеть сплетёт, и на дудочке играть умеет. Всему его дед Касьян Гаврилыч научил. Я не знаю, что ли! Так чего ему дома сиднем сидеть? Пускай едет с князьком: подле него он не только будет его ярыжкой, а и сам грамоте научится... Эй, Микитка, поди-ка сюда!

Микитка вышел на порог избы с взлохмаченными светлыми волосами и блестящими, как у испуганного зверька, глазами.

– Ну, молодец-удалец, собирайся в дорогу! Князьинька Никита Петрович едет в Москву и тебя с собой берёт. Такова воля боярская. Вот тебе старая боярыня приказала полушубок заячий выдать и пару лаптей! – Филатыч показал старый, заплатанный полушубок и новые лапти. – Скорее оболакивайся! Скоро уже и ехать.

Микитка обнял мать за шею и ладонями вытирал на её лице слёзы:

– И чего ты, маманя, раньше времени убиваешься? Чего Москвы бояться! Я в лесу даже медведицу с медвежатами встретил и то не испугался: на берёзу влез и отсиделся, пока она не ушла. А коли я буду ходить подле Никиты Петровича, так я одним глазком стану подглядывать, как он грамоту учит, да и сам научусь.

– Верно, паренёк! – сказал Филатыч. – В Москве, поди, тоже люди живут и калачи жуют. Слушайте моё слово: сегодня княжич уезжает, и я с ним, а вдогонку за нами пойдёт обоз и повезёт всякой курятины и поросятины на поклон дьячку, что будет ребят учить, – рука бы его высоко замахивалась, да не крепко била! С обозом и поедет Микитка. А ты не думай, малец, что сможешь убежать: тогда тебя так за это розгами исполосуют, что до первых весенних берёзок не придётся ни сесть, ни лечь.

Филатыч ушёл в темь утренних сумерек, а в дверях избы, освещённой отблеском пылавшей печи, стоял седобородый, сгорбленный дед Касьян и, кашляя, говорил:

– А, Микитка! А, внучок! Хоть и туговат я стал на ухо, а услышал, что тебя шлют в Москву... Кхе, кхе! Москва велика, заблудиться можно. А ты слышал аль нет: «От отца и матери иди, так не в один, а в оба гляди!» Там, говорят, много высоченных колоколен. Ты спервоначалу влезь на колокольню и оттуда посмотри зорко на Москву – как оглядишься, так потом уж и не заблудишься...

Поездка в Москву

Как ни упирался княжич Никита, всё же он был закутан в платки и в шубу и усажен в возок. Он так плакал и бился, что княгиня, стоявшая на крыльце, уж стала колебаться: не оставить ли его ещё на несколько деньков? Три сытых коня с туго заплетёнными гривами, запряжённые гуськом, один за другим, натягивая постромки, потащили по глубокому скрипучему снегу тяжёлый крытый возок. На переднем коне сидел верхом «вершник» и, громко вскрикивая, хлопал бичом, сгоняя с дороги ехавших навстречу крестьян. За возком, верхом на мохнатом гнедом коньке, скакал дядька Филатыч с длинной, тяжёлой пищалью за спиной.

Вскоре после отъезда Никиты тронулся и обоз из десяти саней. По господскому приказу крестьяне везли в Москву мешки с зерном, кадки мочёных яблок, брусники и солёных груздей, свиные окорока, мешки с битыми гусями и курами, воз рыбы сушёной, телячьи и свиные туши. Всё это было бережно перевязано, чтобы в пути ничего не пропало из господского добра. С этим обозом отправился в Москву Микитка.

Дорога шла то мимо засыпанных снегом пашен, то старым, густым лесом, где водились и олени, и лоси, и медведи, и другие звери. Лес кругом был заповедный, царский; в нём под страхом казни воспрещалось кому-либо охотиться, кроме царя. На снегу виднелись всякие звериные следы: несколько раз трусцой перебежала дорогу рыжая осторожная лисица и, взбивая снег, пронеслись перепуганные длинноухие зайцы.

Чем ближе к столице, тем больше попадалось и отдельных путников, и целых обозов, и всё это постепенно образовало длинную вереницу саней, направлявшихся в сторону Москвы. Везли и дрова, и сено, и несчётные кули с мукой или зерном, и телячьи мороженые туши – всё, что нужно для многолюдной Москвы.

Дорога была изъезженная, вся в рытвинах и ухабах; часто встречались обозы с сеном, повалившиеся набок, и возчики с помощью других путников пытались их поставить на полость. В одном месте опрокинулись сани с дровами, и возчик, сбросив на снег зипун, готовился снова приняться за их укладку. Впереди ж то и дело слышались крики:

– Берегись! Ожгу!.. Сворачивай!

Крестьяне торопливо хлестали своих маленьких лошадок и съезжали с возами в сторону. А навстречу мчались кони, и мимо пронёсся возок, обитый красным сукном. В открытое окошечко выглядывало нарумяненное и набелённое лицо знатной боярыни в собольей шапке или сдвинутые брови бородатого сурового воеводы. Плохо приходилось тому, кто зазевался и не поторопился свернуть с дороги: на него наскакивали боярские слуги и, настежав возчика плетью, расцепляли сани. Тройка уносилась дальше с криком: «Берегись!»

Раза три по пути возчики задерживались на заставах. Стрельцы, вооружённые пищалью, опрашивали всех:

– Ты чей будешь? Зачем и куда едешь?

Возчики медленно доставали из подкладки шапок завёрнутые в тряпицы «проезжие грамоты» с закоптелым оттиском печати.

Микиткина лошадь была маленькая, с взерошенной шерстью. Он шёл рядом с ней, держа в руках хворостину, и покрикивал на неё, как заправский возчик:

– Но, родимая! Понатужься, любезная! Чего оглядываешься? Кнута, что ли, захотела?

Лошадь, равномерно шагая, тащила розвальни. Когда дорога спускалась под гору, Микитка подсаживался на свиные туши. Весь обоз скатывался рысью, а потом, в гору, лошади опять шли мерным шагом. Микитка тогда присоединялся к другим возчикам, шедшим гурьбой, слушал их разговоры о возможном набеге казанских или крымских татар, о новых царских указах.

Всё в дороге казалось Микитке и новым и занятным. Он жадно всматривался в туманную даль, ожидая скоро увидеть Москву.

Вот и Москва!

К полудню обозы подошли к приземистым башням и толстым стенам какого-то монастыря. За ними подымались большие и малые, круглые, как луковицы, маковки церквей с золочёными крестами. У ворот стояли бородатые монахи в длинных чёрных одеждах и круглых, как древесные пеньки, шапках и монастырские сторожа с бердышами. Наверху, над каменными воротами, висела огромная, разукрашенная серебром икона. Подходившие к воротам падали на землю; стоя на коленях, крестились, обращаясь к иконе, затем вставляли и опускали деньги в большие железные кружки, прикрепленные к стене. Монахи спускали на верёвке серебряное паникадило, висевшее перед иконой, прикрепляли к нему восковые свечи и снова подтягивали наверх.

Вдоль самой дороги не раз попадались по две-три избы с ёлкой, прибитой над крыльцом. Это были постоянные дворы, где можно было погреться и подкрепиться миской горячих щей и мягкими ржаными лепёшками. Здесь скопилось множество саней. Свернувшиеся клубком на кулях собаки, ворча, сторожили поклажу.

Обоз, с которым ехал Микитка, не останавливаясь, направлялся к Москве. Когда сани поднялись на пригорок, раздались возгласы:

– Вот она, наша Москва белокаменная!

Микитка увидел вдали, среди снежной равнины, холм, опоясанный красноватой каменной стеной. На холме сгрудились дома, терема, башни, церкви, колокольни, разноцветные купола и золотые кресты всяких размеров. Всё это играло, пестрело и переливалось в лучах полуденного солнца.

Дальше, по рассказам возчиков, начиналась другая часть Москвы – Китай-город, где находились торговые ряды.

По засыпанным снегом полям, вдоль дорог, ведущих к Москве, тянулись чёрные вереницы домиков, каждый с маленьким двором. Здесь жили торговцы, мастеровые и всякий трудовой люд, который кормился около столицы.

– Эй, берегись, малец! Ожгу! – раздался крик, и острая боль полоснула по спине.

Микитка отбежал в сторону. Мимо него пронёсся на сером в яблоках коне нарядный всадник в малиновом кафтане и мохнатой шапке из волчьего меха. За ним на горячих лёгких конях мчались другие, такие же нарядные всадники, с кривыми саблями у пояса. Только снежная пыль закрутилась за ними.

«Что за люди?» – думал Микитка, взобравшись на сани.

Новые, такие же лихие всадники промчались мимо. Микитка заметил, что у каждого к седлу были привязаны метла и мёртвая собачья голова с оскаленными зубами. Все встречные опрометью бросились с дороги в стороны, в глубокий снег, и оттуда кланялись в пояс, срывая шапки, а всадники с гиканьем проносились мимо.

Микитка сидел в санях перепуганный, стараясь понять, что это за люди. Лошадь рысцей сбежала под горку и остановилась внизу, у мосточка. Там собрались другие возчики обоза.

– Кто это был? – тихо спросил мужиков Микитка.

– Опричники! Любимцы царя Ивана Васильевича, – ответил один, не раз бывавший в Москве. – Видел, у них метла на седле? Это значит, что они выметают изменников и слушников царской воли. А ещё у седла собачья голова – это значит, они грызут, как собаки верные, всех врагов царских.

Микитка затерялся

Вскоре Микитка оказался на высоком берегу реки, широкой, засыпанной снегом, блиставшей серебром под яркими лучами солнца. Вверх и вниз по льду тянулись обозы, скакали всадники, стягиваясь к воротам красноватой стены Кремля и далее к стенам и башням Китай-города. Особенно много виднелось всюду пеших и конных воинов, стрельцов в ярких синих и красных кафтанах с пищалями или бердышами на плече.

– Эй, паренёк, чего засмотрелся? Торопись и не отставай! Не ровён час – затеряешься. Уж город так город: от заставы до заставы пройдёшь – не раз вздохнёшь!

Микитка очнулся. Мимо него шёл высокий молодец с русой бородкой, лихо заломив шапку на ухо, и, громко позванивая цепью, тащил за собой мохнатого бурого медведя. Сани, за которыми шёл Микитка, были уже далеко впереди. Он бросился их догонять, с любопытством оглядываясь на ручного медведя.

Обозы свернули на лёд. На берегу, по обе стороны дороги, тесно прилепились открытые ларьки. Чего только там не продавалось: расписные пряники в виде лошадок, резные игрушки, деревянные чашки, глиняные плошки, мороженые яблоки, калёные орехи, рукавицы, шапки, солёная рыба и горячие калачи – всё, чего только не спросит прохожий.

А толпа здесь была сплошная, народ валом валил в обе стороны.

С трудом Микитка догнал свои сани и, ухватясь рукой за оглоблю, шёл, уже не отставая. Подъехали к каменным воротам с раскрытыми железными дверьми. Бесчисленные кони и пешеходы так сбили здесь снег, что саням пришлось ползти по брёвнам, положенным вплотную поперёк пути. Конь, надрываясь от натуги, едва вытянул сани и въехал под ворота.

За ними по сторонам толпились бородатые стрельцы с бердышами – топорами на длинных, в рост человека, топорищах. Они осматривали колючими глазами двигавшуюся толпу. Под воротами была особенная теснота.

Микитку оттёрли от саней. С трудом он пробрался наконец вперёд, отыскивая свои сани.

Внутри города, в узких улицах, сани двигались быстрее, а люди почти бежали. Справа и слева потянулись прилавки с нарядными и диковинными товарами: узорчатые сафьяновые сапоги десятками висели на стене, а под ними, на лотках, всякие женские и детские сапожки, чёботки, валенки, и занятные живули, и сёдла, и конская сбруя, и перемётные сумы, искусно сшитые из разноцветных кусков кожи. А далее – платки всякой раскраски, с цветами и разводами, и рукавицы и варежки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.